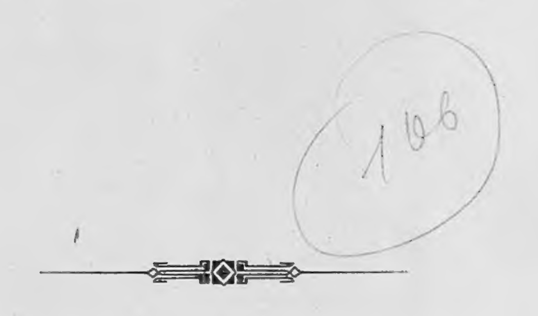
А. Ф. Риттихъ.

Графъ Д. А. Милютинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1912.

А. Ф. Риттихъ.

Графъ Д. А. Милютинъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. Ѳ. Киршбаума, д. М-ва Финансовъ, на Дворц. площ.
1912.

Военный Министръ
Генералъ - Адъютантъ
Дмитрій Алексѣевичъ
Милютинъ.
1872 г.

Только что предали землѣ великаго мужа, фельдмаршала русскихъ войскъ, графа Дмитрія Алексѣевича Милютина; не успѣла еще забыться послѣдняя вѣчная память и пушечный салютъ, какъ уже явились обвиненія дѣятельности графа, которыя какъ бы снимаютъ съ него весь ореолъ его долголѣтней неутомимой военной дѣятельности! Въ этихъ отзывахъ, сегодня, 31 Января [1]), съ Д. А. Милютина, какъ бы сбрасывается, та, его рыцарски военная мантія, которою онъ былъ облаченъ, служа государству при четырехъ Монархахъ: вѣрою, правдою, духомъ, умомъ, образованіемъ и кровью.

Родившись въ 1816 г., Дмитрій Алексѣевичъ, до кончины Императора Николая I, въ 1855 г., уже успѣлъ себѣ составить имя въ средѣ свитскихъ офицеровъ, какъ тогда называли офицеровъ генеральнаго штаба. Мы были въ то время, въ концѣ 40-хъ годовъ, еще кадеты, но его имя было уже извѣстно намъ, всему военному юношеству, и потому пусть не удивляются, что наше слабое перо, дерзаетъ помянуть добромъ того человѣка, который среди своихъ многочисленныхъ сверстниковъ, выдѣлялся такъ рельефно и достигъ высшихъ наградъ, жизни и службы, долголѣтія и отличій, имъ заслуженныхъ, не только какъ высокой души человѣкъ, но и какъ даровитый, талантливый русскій государственный дѣятель, на поприщахъ администраціи, военнаго писательства, профессора, реформатора и наконецъ военнаго дѣятеля. Такъ

[1]) «Новое Время» и «Русское Знамя».

какъ вся наша жизнь и служба, протекла при немъ и подъ его управленіемъ отчасти, то намъ не воспретятъ обнародовать то, что намъ извѣстно изъ круга дѣятельности и службы тѣхъ людей, которые его окружали и съ которыми намъ пришлось встрѣчаться почти что изо дня въ день, на службѣ, въ главномъ штабѣ и въ обществѣ. Лично мы съ графомъ говорили, докладывали, раза три, четыре, при чемъ онъ можетъ быть меня зналъ по службѣ гораздо болѣе, чѣмъ я графа, но это не мѣшало мнѣ составить себѣ о немъ, изъ разговоровъ съ другими, близкими ему лицами и на основаніи ходившей молвы, громкой, похвальной, подчасъ величественной, то именно мнѣніе о Дмитріѣ Алексѣевичѣ, которое сохранилось у многихъ, какъ примѣръ высокообразованнаго военнаго человѣка. Не понапрасно же Императоръ Александръ II сказалъ однажды: «вы Милютина не трогайте, это моя правая рука». Если Государь Александръ II-ой освободилъ свой народъ отъ рабства, то графъ, съ согласія державнаго вождя нашей арміи, вывелъ ее, на свѣтъ Божій, освободилъ отъ косности и той солдатчины, которыя привели насъ, послѣ славныхъ побѣдъ XVIII и начала XIX-го столѣтій, къ погрому и постыдному парижскому миру въ 1856 г.! Наши военные министры въ то именно время, князь Долгорукій и Сухозанетъ, были заслуженные, но отставшіе, недалекіе люди и подписывали то, что фабриковалось далеко не свѣдущими начальниками отдѣленія военныхъ департаментовъ и потому всякое движеніе впередъ, прогрессъ военнаго дѣла, пріостановилось съ 1815 года до 1856 г., періодъ Аракчеевщины, не поучительныхъ войнъ, но изобиловавшихъ плацъ-парадами и тактикою прусскихъ капраловъ! Для парада, — блескъ; а умнаго дѣла,—немного.

Въ такомъ отчаянномъ положеніи находилось наше военное дѣло, когда наконецъ рѣшились въ 1857 году,

покончить прежде всего съ Кавказомъ и отправили туда князя Барятинскаго, совоспитанника и друга Государя. Но князь Барятинскій, вышколенный при дворѣ, среди роскоши и парадовъ, мало что понималъ въ военномъ дѣлѣ, а на Кавказѣ въ то время шла война съ Шамилемъ, не столько въ преслѣдованіи строго выработаннаго плана покоренія, но какъ война безукоризненной храбрости, безъ цѣли и реальныхъ послѣдствій минутной побѣды! Тамъ наше дворянство, храброе офицерство, заботилось не столько о внушительной побѣдѣ съ послѣдствіями, о своей командѣ, о своихъ солдатикахъ, какъ исключительно о личной славѣ и о георгіевскомъ крестѣ, о личной карьерѣ и потомъ о командованіи частью, что вполнѣ обезпечивало счастливчика... Также, всякій походъ, наступленіе ограничивались тѣмъ, что брали штурмомъ аулы, поджигали ихъ и рубили и жгли лѣса, дѣлали просѣки и не утвердившись окончательно въ отвоеванной дикой мѣстности, отступали... Такой образъ веденія войны въ гористомъ Кавказѣ привелъ къ тому, что съ Ермолова мы, почти 30 лѣтъ, мало подвинулись впередъ. Государь, любя и зная хорошо князя Барятинскаго и побывавши лично на Кавказѣ, сознавалъ, что необходимо вести иной образъ войны для покоренія Кавказа и для этого выбралъ въ начальники штабовъ Кавказской арміи, уже побывавшаго на Кавказѣ и раненаго тамъ, профессора Военной Академіи, полковника Д. А. Милютина. Ему, и только ему, обязана Россія, что въ довольно скорый періодъ военныхъ дѣйствій, Шамиля окружили и плѣнили подъ Гунибомъ. Новая система безостановочнаго движенія впередъ и укрѣпленія за собою отвоеванной мѣстности навсегда положила конецъ безуспѣшности прежнихъ нападеній. Князь Барятинскій получилъ фельдмаршала.

*

Милютинъ въ то время уже былъ извѣстенъ всему военно-ученому міру, прославившись своею образцовою исторіею похода Суворова въ 1799 г. Чтобы написать такую выдающуюся исторію нашего великаго полководца, нужно было владѣть тою ученою эрудиціею военнаго дѣла, какъ Д. А. Милютинъ, студентъ Московскаго университета и военный академикъ. Также онъ не понапрасно былъ удостоенъ званіемъ доктора исторіи, которое заслужилъ со славою ученаго профессора.

Эта правильность взгляда, постепенность выводовъ съ послѣдствіями, прозорливость ума и природныхъ соображеній дали Милютину тотъ взглядъ на военное дѣло, когда полководецъ изъ теоріи, незамѣтно переходитъ на практику, давая нужный совѣтъ и указывая какъ быть, что предпринять въ извѣстную минуту; и Милютинъ указалъ, что только брать приступомъ, громить, поджигать, да рубить просѣки и лѣса—безцѣльно; все это можно дѣлать, но сдѣлавъ, не отступать, а оставлять за собою, какъ однажды покоренное. И онъ такъ двигался изо дня въ день, пока не дошелъ до Гуниба. Князь Барятинскій въ этомъ завоеваніи Кавказа невиненъ, но съ него достаточно и того, что онъ призналъ талантъ своего начальника штаба, что онъ подписывалъ кровавыя приказанія и достигъ этимъ цѣли своего назначенія, такъ желаннаго своимъ другомъ Повелителемъ.

Послѣ этого успѣха, Дмитрій Алексѣевичъ былъ назначенъ товарищемъ военнаго министра Сухозанета, человѣка стараго и совершенно отсталаго, который скоро передалъ свой постъ своему товарищу. Д. А., вполнѣ ясно оцѣнивая себѣ положеніе Россіи, окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, Англіей, которая не переставала злобствовать на Наполеона III, который нашелъ для себя выгоднымъ прекратить разорительную для Франціи войну и вмѣстѣ съ тѣмъ достигнувъ цѣли упроченія своего

престола,—эта Англія, трясясь за Индію, не могла оставаться въ покоѣ и, гдѣ только можно, всегда вставляла свои палки, въ планомѣрное движеніе русскихъ. колесъ. А· они, указаніемъ Милютина прежде всего пошли именно на востокъ и съ помощью Черняева, Романовскаго, Скобелева, фонъ-Кауфмана, довели дѣло до Гиндукуша и Памира и только теперь вразумили Англію, чрезъ 50 лѣтъ, признать, что худой миръ лучше доброй ссоры! Покровительство, оказанное Милютинымъ всѣмъ этимъ походамъ въ Средней Азіи, подъ начальствомъ лично извѣстныхъ Д. А. и имъ выбранныхъ начальниковъ, признаніе ихъ талантовъ, выполненіе даннаго имъ направленія до Мерва и Памира, намъ кажется большою заслугою предъ государствомъ. Планъ былъ вѣренъ и онъ былъ осуществленъ, чего-жъ желать больше? А такой планъ движенія до Кокана, Хивы, Бухары и персидской границы, однажды онъ пунктуально выполненъ, можетъ быть данъ для выполненія только выдающимся лицомъ, глубокимъ умомъ, полководцемъ, который самъ могъ находиться за тридевять земель, но мысль то его, талантливо выполненная, дошла до небывалыхъ границъ на юго-востокѣ, въ короткое время и была вѣрна, благотворна, въ государственномъ смыслѣ, для Россіи...

Одновременно шла неустанно работа Д. А. надъ арміею, которая не могла оставаться въ прежнемъ составѣ и видѣ и разомъ, къ 1864 г., изъ 20 пѣх. дивизій, было сформировано 40 пѣх. дивизій и параллельно съ этимъ разработаны и введены были резервы, запасы, ополченіе и чрезвычайно увеличенъ весь матеріальный запасъ включительно до передѣлки кремневыхъ ружей на Крынка. Все это было крайне нужно, въ виду ехидства и неблагонадежности Австріи, ненадежности Франціи, которая хотѣла играть выдающуюся роль въ Европѣ и какого то неопредѣленнаго нейтралитета Пруссіи.

Не безъ того, чтобы съ послѣдней не шли бы военные переговоры, съ Рoономъ (военный министръ), Мольтке и Бисмаркомъ, переговоры, которые установили нейтралитетъ Россіи за время войны Пруссіи съ Австріею въ 1866 г. Пруссія, благодаря молчанію Россіи, сильно пошатнула Австрію, усиливъ Пруссію и сблизивъ ее съ нами. Это дало намъ время переустроиться къ лучшему, въ сторону обновленія и улучшенія нашего военнаго дѣла, такъ что мы уже перестали бояться коалиціи. Намъ думается, что въ этомъ униженіи Австріи Пруссіею, въ возмездіе за ея выступленіе къ намъ въ тылъ, въ 1854 г., Д. А., помимо князя Горчакова, принималъ живѣйшее участіе: это дѣло противъ Австріи шло въ унисонъ со всѣмъ настроеніемъ Россіи и достигло своей цѣли, на пользу намъ.

Дальше, цѣлый рядъ преобразованій военнаго вѣдомства шли своимъ чередомъ, не прерываясь; польское возстаніе 1863 года было подавлено съ одной стороны М. Н. Муравьевымъ, а съ другой—военною силою въ Царствѣ Польскомъ, съ гр. Бергомъ во главѣ; послѣ этого намъ можно было отдохнуть на долгое время, на нашихъ западныхъ границахъ. Война 1870 г. Пруссіи, противъ Франціи, съ нашимъ опять-таки нейтралитетомъ, была снова и намъ возмездіемъ за Парижскій миръ, унизивъ Францію на много десятилѣтій! Также за все время Франко-Прусской войны, наша армія охраняла нейтралитетъ Австро-Венгріи, которая готова была содѣйствовать Франціи, но мы ее до этого не допустили. Такимъ образомъ наше военное дѣло, не утихая, своимъ нейтралитетомъ противъ нашихъ враговъ Австріи и Франціи привело къ тому, что хотя и создавалась по сосѣдству у насъ грозная Германская держава, но она ослабила тѣхъ, которые всегда намъ мѣшали: Англію, Австрію и Францію.

И въ этомъ нейтралитетѣ, и постоянной заботѣ о подготовкѣ нашей арміи, Д. А. игралъ видную роль во всѣхъ совѣщаніяхъ, гдѣ державный шефъ нашей арміи принималъ непосредственное участіе; доклады Д. А. Государю имѣли громадное на него вліяніе, касаясь, какъ увидимъ, отраслей военнаго управленія и соприкосновенныхъ къ нимъ государственныхъ вопросовъ.

Какъ только Д. А. принялъ портфель Министра, онъ взялся за самое главное, за переустройство, децентрализацію всего военнаго управленія вновь возникающей арміи, на громадномъ пространствѣ Россійской Имперіи. Безъ такой большой арміи, въ виду могущихъ состояться новыхъ коалицій, нельзя было обойтись, тогда какъ отсутствіе въ то время путей и чрезмѣрныхъ разстояній, да растянутость нашихъ границъ, все это вмѣстѣ требовало, около этихъ границъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, немедленныхъ и безотлагательныхъ распоряженій по всѣмъ отраслямъ управленія: чисто военнаго, административнаго и хозяйственнаго распоряженія. Въ этомъ смыслѣ Д. А. придерживался французской системы и для Россіи была выработана окружная система, съ командующимъ войсками во главѣ, при окружномъ совѣтѣ по всѣмъ хозяйственнымъ въ округѣ операціямъ и съ окружнымъ штабомъ. Во главѣ же всѣхъ округовъ стояло военное министерство съ министромъ и съ его отдѣлами: военнымъ совѣтомъ, главнымъ штабомъ и главными управленіями по всѣмъ отраслямъ военнаго дѣла. Также предполагалось, что въ военное время командующіе войсками округа будутъ стоять во главѣ войскъ въ округѣ, какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ. Это большое дѣло военнаго управленія, продержавшееся по сю пору, было всесторонне разсмотрѣно и обсуждено въ военномъ и государственномъ совѣтахъ. Нашлись критики, въ особенности со стороны строевого начальства,

поддержаннаго кн. Барятинскимъ, которому въ особенности не нравилось упраздненіе должности корпусныхъ и бригадныхъ командировъ и дошло до того, что Д. А. пришлось свой проектъ защищать въ присутствіи Государя Императора, въ государственномъ совѣтѣ. Блестящая рѣчь Д. А., основанная на примѣрахъ и сравненіяхъ того, что ожидается и что еще такъ недавно было, когда, прикрываясь только приказомъ по области или корпусу, все считалось возможнымъ предписывать, все прикрывалось властью и дисциплиною, и подчиненныя части, выполняя безпрекословно такой приказъ, считались соучастниками не только хищеній, но прямо таки государственныхъ преступленій,—всѣ такія дѣла, хотя и съ меньшинствомъ голосовъ, но съ согласія Государя, были устранены на всегда, и окружная система получила свое водвореніе въ 1863 г. Самое трудное было найти командующихъ, подготовленныхъ для такой обширной дѣятельности и потому сначала было не мало недоразумѣній, но наконецъ и оно установилось и стало твердо на почвѣ законности и лучшаго управленія вездѣ и, въ особенности, въ глухихъ мѣстахъ государства: въ Сибири, Туркестанѣ, на Кавказѣ, въ Казани по Волгѣ.

Графовъ Никитиныхъ, Остенъ-Сакеновъ и Евдокимовыхъ, знаменитыхъ сподвижниковъ предшествовавшаго царствованія, благополучно сбыли съ рукъ, а съ ними ушли въ лету всякія странности, причуды, своевластіе; расформировались одновременно военныя поселенія и цѣлая армія кирасиръ, а драгунскій корпусъ вошелъ въ составъ новыхъ кавалерійскихъ дивизій и строй, пѣше по конному, вошелъ въ уставъ кавалеріи, которая постепенно вся выучивалась стрѣлять и теперь стоитъ самостоятельно на высотѣ своего высокаго призванія. Офицеръ соучастникъ, очевидецъ, вотъ что намъ разсказалъ о давно прошедшемъ въ 1862 г.: приносятъ ему приказъ

по полку, гдѣ повторяется приказъ по области, что ночью былъ ураганъ, который снесъ весь лагерь безъ остатковъ и именно тотъ лагерь, гдѣ вся дивизія и читавшій приказъ офицеръ провели ночь преспокойно и, гдѣ все утромъ оказалось на своемъ мѣстѣ! Но, на основаніи этого приказа, пошло требованіе изъ всѣхъ полковъ на заведеніе и обновленіе лагеря, требованіе, дошедшее до областного начальника, который и получилъ всю эту многотысячную сумму, на обновленіе, не тронутаго умышленнымъ ураганомъ лагеря, а полки остались только при удивленіи, но, ради дисциплины, молчали и всегда безпрекословно исполняли при такихъ обстоятельствахъ, все несбыточное и небывалое!

Такихъ приказовъ, да вообще подобныхъ казусовъ съ казеннымъ имуществомъ и служилымъ людомъ, при окружныхъ совѣтахъ ужъ дѣлать было невозможно и потому не мало роптали на новую систему, въ особенности командиры полковъ, эти ингаберы, собственники полкового имущества, дѣлившіе свои большіе достатки съ начальниками дивизіи и нещадно обижавшіе полкъ и нижнихъ чиновъ своего же полка.

Такой порядокъ въ полкахъ, когда командиръ полка считалъ себя собственникомъ полкового имущества, а нижнихъ чиновъ почти что безотвѣтными существами, продолжался еще долго, до 70-хъ годовъ, все еще по традиціи 40-хъ и 50-хъ годовъ, когда полки раздавались для поправленія своего разстроеннаго состоянія за службу въ гвардіи или при дворѣ. Чтобы далеко не ходить, укажемъ, что въ 1869 г. намъ пришлось принимать одинъ изъ полковъ, годовъ 6 тому назадъ, вновь сформированныхъ дивизій. И чтожъ мы нашли: пустой цейхгаузъ, обозъ съ переломанными дышлами, колесами и боками, 18 лошадей калѣкъ въ возрастѣ 16 и болѣе лѣтъ, въ заплаткахъ музыкантскій инструментъ, нижніе чины съ

одной парой одежды и съ шинелями, полинявшими и съ заплатками, обувь крайне плохая и все остальное въ томъ же видѣ, а въ кассѣ около 500 руб. и въ ожиданіи отпуска всего, что слѣдуетъ полку, къ марту мѣсяцу слѣдующаго года. Такое критическое положеніе заставило насъ принимать полкъ совмѣстно съ чинами (офицерами) хозяйства, такъ какъ они были свидѣтелями расхищенія. Старый командиръ полка, человѣкъ грязный, безнравственный, необразованный, полный невѣжда въ военномъ дѣлѣ, кавказецъ, азіатъ-армянинъ, надъ которымъ всѣ издѣвались и смѣялись, долженъ былъ внести въ казенный ящикъ 5 т. р., но начальникъ дивизіи, также кавказскаго происхожденія, предписалъ сбавить на 2 т. р.; офицеры потомъ говорили, что они были переданы начальству! Намъ, съ помощью десятка молодыхъ офицеровъ и впослѣдствіи героя Карса, штабъ-офицера, удалось справиться съ этимъ сложнымъ дѣломъ, но за то работы было по горло. Все хорошо, что хорошо кончается, но не дай Богъ никому нести отвѣтственность за 2.000 чел., когда, какой-то негодяй, только изъ-за дисциплины, снялъ почти что съ живого кожу, заставивъ его ходить босымъ и прикрываться ночью, въ холодномъ помѣщеніи, продранною шинелишкою! Но тогда же былъ поднятъ вопросъ о полковомъ хозяйствѣ и въ скорости оно было введено, кажется въ 1875 г. и то опять-таки благодаря исключительно заботамъ Д. А. Это хозяйство очень поправило полки, и въ короткій срокъ то, что было такъ уродливо, стало притчею во языцѣхъ. Да, это старое время, 40—50 лѣтъ тому назадъ, когда были ротные командиры, которые не умѣли писать и за нихъ все дѣлали фельдфебеля или писаря, когда завѣдующій дровами штабъ-офицеръ, выходя въ отставку, на вопросъ, какъ онъ устроится, показывая на свой карманъ, цинически признавался, что онъ не понапрасно 10 лѣтъ завѣдывалъ

полковымъ дровянымъ дворомъ. Все это безобразіе при министрѣ Д. А. кануло въ Лету... Не малая заслуга.

На командный составъ Д. А. обратилъ большое вниманіе, какъ только вступилъ въ управленіе министерствомъ. Ему помогалъ въ этомъ начальникъ главнаго штаба Графъ Ѳ. Л. Гейденъ. Они оба дѣлали, что могли и двигали на должности командировъ полковъ офицеровъ генеральнаго штаба, которыхъ къ 80 годамъ уже было не мало, а до нихъ это было почти что невозможно по недостатку академистовъ. И при всемъ томъ имъ препятствовали всякія протекціи сбоку и свыше. Гвардія съ ея преимуществами, всякія указанія вліятельной сферы, дворъ и слишкомъ много княгинь и сановниковъ требовали и просили неотступно за своихъ родственниковъ, любимчиковъ и эта система постояннаго протекціонизма, эти бабушки и тетушки, давали нашей арміи сплошь и рядомъ, такихъ командировъ частей, которые совсѣмъ не знали настоящаго военнаго дѣла, хотя большинство были храбры и храбро сражались и умирали. Но съ этою храбростью далеко не уѣдешь, и вмѣстѣ съ храбрымъ начальникомъ, бывало, что пропадала вся часть! Сраженія подъ Альмою, подъ Черною и Инкерманомъ, какъ 4 числа, насъ нелегкая несла, какъ завязла артиллерія и оставалась позади, при отступленіи, и какъ батальоны не смогли двигаться съ мѣста и умирали за даромъ, при обстрѣлѣ съ фланга! Все это напоминаетъ то время, когда забыли тактику Петра и цѣлаго ряда великихъ полководцевъ. Все это исправить, все это повернуть въ обратную сторону, было не легко и выполнено было при Д. А. на столько, на сколько это было возможно, на сколько это дозволялъ самъ Государь и не препятствовало общество, интеллигенція, аристократія и средства страны. Аристократія въ то время, въ 60-хъ годахъ, имѣла громадное вліяніе на бытъ и обликъ нашей арміи. Было много красоты, но без-

содержательно: если преобразователь обязанъ одновременно заниматься политикою и вилять между вліятельными лицами общества, какъ лоцманъ среди рифовъ и шхеръ, то разумѣется полнаго успѣха въ дѣлѣ честнаго обновленія, какого бы то ни было дѣла, достигнуть очень трудно, но опытъ, умъ, особыя выдающіяся качества Д. А., помогли ему сдѣлать хоть то, что удается не многимъ.

Д. А. Милютинъ, основывая военные округа и обновляя армію обратилъ особенное вниманіе на штабы: дивизіонные и окружные. Тамъ офицеры генеральнаго штаба, какъ начальники штабовъ, по порученіямъ и старшіе адъютанты, работали во всю и проводили мысли и направленіе Д. А. Они помогали честно своимъ прямымъ начальникамъ, направляли и повѣряли войска, читали лекціи и вводили доступныя военному дѣлу новости. Они занимались военною игрою, изготавливали планы маневровъ и передвиженій, повѣряли мобилизацію, экзаменовали учебныя команды и смотрѣли за ротными школами, за развитіемъ грамотности и наконецъ не мало издавали всякаго рода военныхъ книгъ, включительно до серьезныхъ статистическихъ изслѣдованій по губерніямъ. Они осуществляли идеи Д. А. и сдѣлали то, что къ началу кампаніи 1877/8 годовъ, русская армія была неузнаваема. И въ этомъ смыслѣ академія генеральнаго штаба, выпускавшая до 1856 года не болѣе десятка офицеровъ, съ легкой руки и указанія Д. А. начала подготовлять и выпускать молодыхъ офицеровъ во фронтъ и штабы ежегодно, въ числѣ 50—60 чел., что благотворно повліяло очень скоро, на весь составъ удвоенной арміи до 40 пѣх. дивизій, съ соотвѣтственнымъ числомъ резервовъ, кавалеріи, артиллеріи и инженерныхъ войскъ.

Такая большая армія, съ увеличеннымъ числомъ частей и со введеніемъ еще стрѣлковыхъ баталіоновъ и стрѣлковыхъ ротъ въ каждомъ полку, да съ замѣною глад-

костводьныхъ ружей ружьями Крынка, потребовала увеличенное число офицеровъ въ полкахъ [1]). Между тѣмъ до 60-хъ годовъ офицерскій составъ пѣхоты и кавалеріи, комплектовался преимущественно изъ юнкеровъ, опредѣлявшихся прямо въ полкъ, по представленіи своихъ бумагъ: метрич. св., дворянской записи и кажется удостовѣренія отъ предводителя дворянства, да еще, что гдѣ то учился и знаетъ грамоту. А такъ какъ въ полкахъ, кромѣ строя, ничему не учили, а экзаменъ для производства въ штабахъ былъ самый снисходительный, то въ офицеры, нѣсколько сотенъ ежегодно, производились такіе экземпляры, о которыхъ въ настоящее время, трудно себѣ составить понятіе, что могли быть подобные руководители нижнихъ чиновъ. Были разумѣется исключенія, но это какъ рѣдкость. А между тѣмъ строевые офицеры были нужны, нужны болѣе образованные, чѣмъ тѣ, которые, также какъ исключеніе умѣли подписывать свою только фамилію. Также такой офицерскій по преимуществу составъ, въ особенности въ пѣхотѣ, въ глубокой арміи, въ стоянкахъ по деревнямъ, мало чѣмъ отличался отъ нижнихъ чиновъ. Если же всѣ они соберутся, какъ бывало въ лагерное время, то препровожденіе времени, въ свободныя минуты, шло на игру въ карты, на охоту, когда возможно, на выпивку и самые неприличные подъ часъ разговоры и разсказы. Общая темнота понятій, способъ жизни, обращеніе и все подобное, все это было близко къ первобытному и даже менѣе порядочному, чѣмъ среди нижнихъ чиновъ, которыхъ держали болѣе чѣмъ строго, и нещадно наказывали по тѣмъ варварскимъ временамъ.

Въ виду изложеннаго, въ началѣ 60-хъ годовъ, при всѣхъ окружныхъ штабахъ были основаны юнкерскія 2 классныя училища, въ вѣдѣніи начальниковъ окружныхъ штабовъ. А такъ какъ центры округовъ находились въ

[1]) Въ 1880 г. ружья Крынка были замѣнены Берданками.

большихъ городахъ, съ высшими и средними учебными заведеніями и тамъ же было не мало офицеровъ по разнымъ спеціальностямъ всякихъ военныхъ наукъ, то вновь основанныя военныя юнкерскія училища, могли существо-ствовать и дѣйствовать вполнѣ благополучно и съ большою удачею, на первыхъ же порахъ. И вотъ молодежь поступаетъ въ полкъ вольноопредѣляющимися и по прошествіи нѣкотораго времени, по экзамену, переходила въ училища, откуда по прошествіи 2-хъ лѣтъ, производилась на ваканцію и по балламъ, въ офицеры. Для провинціи, для бѣдныхъ дворянъ это было громадное благодѣяніе и мы можемъ удостовѣрить, что уже въ 1869—1772 г. г. и позднѣе въ 1886 г., мы лично убѣдились на сколько эти юноши на службѣ, въ строю и на выпускныхъ экзаменахъ, знали свое дѣло и любили службу, несли ее по новому, честно, ретиво, до того хорошо и охотно, что ихъ сравнивать съ прежнимъ офицерствомъ было не только невозможно, но даже грѣшно. Это были уже все мало мальски образованные люди, читающіе, даже пописывавшіе и служившіе сознательно, такъ что было изъ кого выбирать въ адъютанты, казначеи и т. д. На нихъ было смотрѣть отрадно и ихъ нельзя было ставить на ряду съ прежнимъ составомъ. Любой изъ нихъ былъ образованнѣе своего штабъ-офицера, еще старой школы. Теперь всѣ эти юнкерскія училища, черезъ 45 лѣтъ расширяясь въ своей программѣ изъ года въ годъ, преобразованы въ военныя училища и въ Хабаровскѣ, какъ и въ Иркутскѣ, а тѣмъ подавнѣе въ Европейской Россіи, и въ столицахъ, они ни въ чемъ не уступаютъ по образованію и воспитанію любому изъ старѣйшихъ военныхъ училищъ и спеціальнымъ классамъ Пажескаго корпуса. Желаніе и идея, которую проводилъ Д. А., осуществилась и за это одно онъ уже достоинъ, чтобы его ~~не~~помнило все юношество и потомство.

Д. А., получившій хорошее образованіе въ Московскомъ университетѣ, еще по системѣ прежнихъ дворянскихъ пансіоновъ Уваровской школы, не отвергалъ латыни, греческаго языка и вообще изученіе и знакомство съ классиками, но онъ никакъ не могъ согласиться, основать все среднее образованіе на насильственномъ изученіи древнихъ языковъ и какъ антиподъ графа Толстого, шелъ все время на перекоръ ему. Неудачники гимназіи, которые потомъ поступали въ строй, его смущали, а преступленія, творимыя ими по разнымъ случаямъ, въ родѣ самоубійства и убійства своего ближайшаго начальства, директора, учителей и т. п., приводили Д. А. въ большое смущеніе. Не менѣе того онъ былъ очень озабоченъ положеніемъ всѣхъ военныхъ корпусовъ 60-хъ годовъ. Военное образованіе было необходимо, но оно, какъ доказала только что плачевно законченная война 1854—1856 г., никуда не годилось.Большое невѣжество военнаго дѣла среди офицеровъ, по гуманитарнымъ наукамъ того хуже, распущенность великовозрастныхъ кадетъ, пьянство, мужичество, и только строй, да линеарная тактика, съ ружейными пріемами и темпомъ, были въ совершенствѣ на смотрахъ В. К. Михаила Павловича и при Высочайшихъ смотрахъ, но все это было такъ мало, такъ неудовлетворительно, что такъ оставаться корпусамъ, съ дѣтьми, все изъ дворянъ, было невозможно, безъ новой крупной катастрофы, въ случаѣ коалиціонной противъ Россіи, войны.

Мы припоминаемъ, какъ на репетиціи къ смотру В. Князя, на плацу въ 1-мъ корпусѣ, эти 6 батальоновъ корпусовъ изъ дворянчиковъ, продѣлывали 12 разъ къ осмотру ружей. Тоже случилось при заряжаніи. Съ 9 часовъ, до 3 пополудни, кадеты стояли на солнцѣ, ничего не ѣвши и продѣлывали свои автоматическіе пріемы, измученные до нельзя, возвращаясь домой къ 5 часамъ.

Для дворянскаго полка, гдѣ было два батальона, гдѣ въ строю были всѣ мужланы, отъ 16—22 лѣтъ, это было сносно, а намъ, кадетамъ отъ 11—15 лѣтъ это было очень тяжело... Дворянскій полкъ, основанный въ началѣ XVIII ст. В. Княземъ Константиномъ Павловичемъ для недорослей изъ дворянъ, все почти безграмотныхъ и призванныхъ со всѣхъ концовъ Россіи дворянъ, занимавшихся до того, охотою, да всѣми прелестями беззаботной деревенской жизни, эти дворянчики, почти отцы семейства, видѣвшіе всякіе деревенскіе виды, ухаживавшіе за крестьянскими дѣвками, очутившись внезапно въ казармѣ, при порядкахъ по барабану дѣлать и сидѣть въ классѣ смирно, такая жизнь для нихъ была нестерпима. Но ихъ сдерживали суровою дисциплиною того времени и дежурные офицеры не жалѣли опекаемыхъ и драли ихъ, чѣмъ попало. Это было въ модѣ тогда въ корпусахъ. Говорили, наставляли мало, за то дѣйствовали, а если и это не брало, то сѣкли или выгоняли рядовыми въ полкъ. Такое воспитаніе при малоуспѣшности въ наукахъ, давало только офицеровъ по наружному виду, безъ всякаго внутренняго содержанія и офицерская масса вообще, была слаба научно и очень не развита, за то пила и напивалась исправно. Да и что было дѣлать иного въ деревнѣ, среди крестьянства и солдатъ. Тогда казармъ не было. Богатые люди изъ помѣщиковъ, въ особенности на окраинахъ, у польскихъ магнатовъ и нѣмецкихъ бароновъ, знать не хотѣли новыхъ полуразвитыхъ офицеровъ; бѣдные однодворцы и имъ подобные, походили своимъ образованіемъ въ то время на этихъ же офицеровъ и вели ту же жизнь. Карты, пьянство и охота...

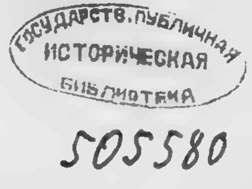
Въ кавалеріи дѣло обстояло лучше; туда выходили изъ болѣе состоятельныхъ семей и тамъ дѣло пѣхотной нищеты поправлялось въ эскадронѣ конемъ, который молча удѣлялъ свой фуражъ, помогая скудному содер-

жанію офицеровъ. А командиры эскадроновъ и тѣмъ болѣе полка, это были уже бары, которые обѣдали на серебрѣ и ставили на карту сотни рублей.

Все это зналъ Д. А. и не мало думалъ надъ исправленіемъ нашей военно-учебной части, для полученія наилучшаго офицерскаго контингента. Онъ для этого раздѣлилъ корпуса на двѣ части, изъ старыхъ двухъ спеціальныхъ классовъ сдѣлалъ военныя училища, съ расширенною программою, а всѣ младшіе классы корпусовъ до 5 включительно обратилъ въ военныя семиклассныя гимназіи, съ общеобразовательнымъ курсомъ, но безъ древнихъ языковъ и съ воспитателями изъ штатскихъ педагоговъ.

Режимъ преподаванія наукъ, воспитанія, образованія и вся кадетская жизнь, какъ въ военныхъ училищахъ, такъ и въ военныхъ гимназіяхъ совершенно измѣнились. Число выпускаемыхъ въ офицеры, какъ изъ военныхъ училищъ, такъ и изъ юнкерскихъ, было не меньше, чѣмъ было прежде, даже увеличивалось изъ года въ годъ, но офицеры получались совершенно другіе, болѣе развитые, лучше знакомые съ военною наукою и новымъ строемъ, въ особенности, выходившіе изъ юнкерскихъ училищъ. Изъ военныхъ училищъ получались офицеры слабѣе и это изъ за ихъ воспитанія, въ военныхъ гимназіяхъ со штатскими воспитателями, не знавшими военнаго дѣла и духа.

Недостатокъ этотъ, поставленный будто въ укоръ Д. А., теперь уже давно и легко исправленъ,—онъ не повліялъ на ухудшеніе офицерства, но онъ вполнѣ изгналъ то, бывшее мужичество, это военное семинарство, которое приводило въ отчаяніе порядочныхъ людей, въ мирное время. Офицеры изъ бывшихъ военныхъ гимназій утратили свое мужланство, сдѣлались мягче, многіе изъ нихъ ушли вовсе изъ военной службы, было не мало неудачниковъ, были даже вначалѣ непріятныя исторіи,

а досаднѣе всего было то, что ихъ начальникъ генералъ И., попавшій на это высокое мѣсто воспитанія, русскаго дворянства, въ военномъ духѣ, былъ не вмѣняемъ, но, пользуясь высокою протекціею, онъ слишкомъ долго сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и не понявъ мысль Д. А., попортилъ военныя гимназіи въ конецъ, размягчивъ молодежь дурнымъ подборомъ воспитателей. Имѣвъ дѣло съ этимъ генераломъ по дѣламъ Краснаго Креста, я каждый разъ спрашивалъ себя, да и что въ сущности онъ хочетъ, чего добивается? Сколько ни думалъ, а отвѣта получить не могъ и всѣ его рѣчи въ Совѣтѣ, сбивчивыя и недосказанныя, доставляли мнѣ много заботъ и хлопотъ, чтобы изъ нихъ сочетать что то связное, разумное и полезное для дѣла! Если такъ шло дѣло по военно-учебнымъ заведеніямъ, то ихъ не съ чѣмъ было поздравить и Д. А. осуждали и осуждаютъ за то, въ чемъ онъ не виноватъ; но онъ во всякомъ случаѣ заставилъ забыть прежніе корпуса и когда они появились вновь при Императорѣ Александрѣ III, это уже были совершенно другія военныя заведенія, съ новымъ дворянствомъ, грамотнымъ и съ новымъ направленіемъ.

Этотъ вопросъ о военныхъ гимназіяхъ насъ очень занималъ и, усмотрѣвъ въ немъ фальшь, неискренность, невозможную для универсальнаго ума Д. А. ошибку, мы имѣли объ этомъ предметѣ, однажды, длинный и серьезный разговоръ съ полковникомъ К., довольно близкимъ Д. А. человѣкомъ, по проведенію многообразныхъ артиллерійскихъ вопросовъ и темъ въ печати и вотъ, что онъ намъ сообщилъ: этотъ единственный въ своемъ родѣ военный министръ вовсе не ошибся, раскассировавъ всѣ прежніе корпуса; онъ имѣлъ свою мысль и она была правильна. Онъ, прежде всего, ввелъ всеобщую воинскую повинность, хотѣлъ имѣть подходящихъ офицеровъ, учителей нашихъ новобранцевъ и солдатиковъ, съ короткою

службою въ 6 лѣтъ. Для этого онъ отдѣлилъ чисто военное образованіе отъ общаго, учредивъ юнкерскія и военныя училища. Одновременно онъ былъ удрученъ классическимъ образованіемъ всѣхъ гражданскихъ гимназій по системѣ гр. Толстого. Отдѣливъ общее образованіе корпусовъ отъ военнаго и образовавъ военныя гимназіи, безъ древнихъ языковъ, онъ ихъ думалъ со временемъ передать въ министерство народнаго просвѣщенія, со своею военною закваскою.

Этимъ бы значительно была бы ослаблена система гр. Толстого. Военное же вѣдомство, улучшая постепенно юнкерскія училища, обратило бы ихъ всѣ со временемъ, какъ это и случилось теперь, въ военныя училища и молодежь, получивъ общее образованіе, вообще въ гимназіяхъ, довершила бы, уже какъ готовый матеріалъ, чисто военное образованіе въ юнкерскихъ или военныхъ училищахъ, которыя оставались безповоротно въ вѣдѣніи Военнаго Министерства и служили бы преддверіемъ, какъ воинская повинность, одновременно для поступленія черезъ 2 года, въ одну изъ военныхъ академій. Тутъ видна мысль, послѣдовательность и преслѣдованіе спеціальности военной дѣятельности, какъ всякая другая, какъ примѣрно хотя бы карьера врача: гимназія, медицинская академія, и потомъ наконецъ докторъ. Довести до конца эту идею, Д. А. не удалось, такъ какъ мученическая смерть Царя положила конецъ его дѣятельности въ 1881 году. А изъ классическихъ гимназій молодые люди, между тѣмъ, то и дѣло, что шли во фронтъ и оттуда въ юнкерскія и въ военныя училища, въ зависимости отъ успѣховъ и экзамена, и этимъ доказали, что Д. А. былъ правъ, и не подлежитъ осужденію. Д. А. во время своей реформаторской дѣятельности, встрѣчалъ слишкомъ часто по этому пути, рифы и пороги и ему приходилось лавировать, чтобы согласовать волю Монарха съ пользою дѣлу. Его мысли уважа-

лись, доклады принимались, но то тутъ, то тамъ неожиданно являлись какія-то мелочи, препятствія, изъ совокупности которыхъ терпѣло все дѣло и рушились наилучшіе помыслы.

Преобразовывая и вводя новый порядокъ управленія по всѣмъ отраслямъ военнаго дѣла, Д. А. коснулся военнаго суда и для этого основалъ военно-юридическую академію, съ полковыми, окружными судами и главнымъ военнымъ судомъ. Судьи были одновременно присяжными, а прокуроры и защитники изъ военныхъ юристовъ, которыхъ въ началѣ 70-хъ годовъ было очень ограниченное число, но съ открытіемъ академіи, туда повалилъ и старъ и младъ до начальника дивизіи включительно. Окружные суды открывались не вдругъ, а постепенно и аудиторское училище, съ прежними аудиторами изъ кантонистовъ и всякихъ разночинцевъ, людей особыхъ, какъ бы отверженныхъ изъ общества, начало исчезать. До этого хотя всякія рѣшенія по суду въ дивизіяхъ и выше, утверждались только начальниками, по подобраннымъ статьямъ закона, а въ сущности всѣ рѣшенія зависѣли отъ молчаливо-бездушныхъ аудиторовъ съ ихъ весьма ограниченнымъ пониманіемъ духа закона, который выполнялся больше по буквѣ. Оттого всѣ рѣшенія имѣли суровый видъ, безъ всякихъ снисхожденій и по безотвѣтственности подсудимаго, весь такой судъ былъ жестокимъ, да съ такими устарѣлыми наказаніями, которыя приводили въ ужасъ исполнителей судебныхъ рѣшеній. Все это было замѣнено человѣческимъ отношеніемъ къ подсудимому и всѣ бывшіе совсѣмъ устарѣлые ужасы отстранены до исключительныхъ случаевъ тѣлеснаго наказанія. Солдатъ, хотя и преступникъ, былъ признанъ прежде всего такимъ же человѣкомъ, какъ всѣ остальные, и онъ зналъ, что его судитъ не одинъ человѣкъ, а справедливый и милостивый военный судъ, и возблагодарилъ Бога за такую милость

Царя. Это нововведеніе полностью обязано работѣ Д. А. съ его помощникомъ Философовымъ и оно благодѣтельно дѣйствуетъ по нынѣ, совершенствуясь и процвѣтая. Но и оно не обошлось безъ критики со стороны всѣхъ тѣхъ, которые за длиный рядъ годовъ были знакомы со шпицрутенами и почти что съ рваніемъ ноздрей, время, когда народъ молился, гремя цѣпями... Благодаря гуманности и высокоталантливому пониманію русскаго солдата, Д. А. измѣнилъ все военно-судное дѣло, одновременно доказавъ, что дисциплина въ войскѣ не пала, какъ утверждали безчувственные старики, а напротивъ сознательно повысилась и это лучшее оправданіе въ томъ, что было сдѣлано.

Вслѣдъ за франко-прусской войной, 1871 г., оказалось, что Пруссія, преобразившись въ грозный союзъ германскихъ королевствъ и герцогствъ и принявъ титулъ имперіи, какъ таковая, очень сильна по національнымъ чувствамъ, сдѣлалась богата контрибуціею и славна военною славою своего войска, въ двухъ послѣдовательныхъ войнахъ. Оставалось ей, слѣдовательно, наброситься еще на Россію, отдохнувъ нѣсколько, и такимъ образомъ, положить къ своимъ ногамъ всю Европу. Но этого Д. А. какъ русскій человѣкъ, большой патріотъ, допустить не могъ и потому, еще съ конца 60-хъ годовъ, и въ скорости по вступленіи въ управленіе министерствомъ, начались подготовка и разработка проекта всеобщей воинской повинности и такой же конской. Къ этому дѣлу привлечены были лучшія силы изъ офицеровъ генеральнаго штаба и проектъ оказался законченнымъ и введеннымъ полностью къ набору въ 1874 г. Армія разомъ увеличилась, сравнялась съ германскою и неузнаваемо обновилась. Ее одновременно сдѣлали такою, что въ каждой части было не менѣе 75% русскихъ и только 25% инородцевъ. Кромѣ того, старались распредѣлять людей,

по возможности, по наклонностямъ и способностямъ и крѣпко настаивали на обученіи молодыхъ солдатъ грамотѣ въ ротахъ, съ одновременною подготовкою унтеръ-офицеровъ въ учебныхъ командахъ. Своевременно тогда же были разработаны всѣ положенія о резервахъ дѣйствующихъ частей и объ ополченіи и, наконецъ, ввели положеніе о мобилизаціи. Все это дѣло, въ своихъ основаніяхъ, дожило съ успѣхомъ до настоящихъ дней, давая теперь, во всякое время, неисчерпаемый контингентъ борцовъ, съ которымъ не сравнится ни одно изъ государствъ міра. Ужъ это одно нововведеніе могло бы обезсмертить Д. А., но это было далеко еще не все: обращено было большое вниманіе на укомплектованіе арміи военными врачами, на расширеніе дѣятельности Краснаго Креста и его сестеръ милосердія, которому Д. А. сочувствовалъ и по возможности помогалъ и на расширеніе дѣятельности вообще женщинъ, для которыхъ были основаны женскіе медицинскіе и фельдшерскіе курсы въ подмогу врачебному персоналу въ военное время и при военныхъ частяхъ и лазаретахъ. Тогда же были основаны педагогическій музей и курсы по нимъ и, наконецъ, коснулись обезпеченія военнослужащихъ при отставкѣ и было положено начало эмеритуры. Казалось, что не было вопроса, который бы не былъ задѣтъ и разработанъ и который бы со введеніемъ въ военную жизнь не лежалъ бы въ основаніи того, что у насъ имѣется теперь. Все это совершенствовать можно, въ прогресивномъ теченіи военнаго дѣла, но выкинуть, передѣлать въ корнѣ нельзя: громадная опытность, познанія и работа Д. А. во всѣхъ военныхъ вопросахъ были положены, какъ основы того дѣла, которое онъ зналъ и которому всего себя онъ посвятилъ, какъ выдающійся талантъ, достойный памяти всего потомства и исторіи Россіи.

Въ началѣ 1876 г. мирный горизонтъ началъ омрачаться на Балканскомъ полуостровѣ, и въ скорости Россіи пришлось предстать на военномъ экзаменѣ по всѣмъ ея новымъ отраслямъ военно-административнаго переустройства. Славянскій вопросъ потребовалъ отвѣта, готова ли русская армія защищать идею своего державнаго шефа, для освобожденія Балканскихъ Славянъ отъ турецкой зависимости и рабства, и она сказала, что готова освобождать угнетенную раію отъ ужаснаго ига. Начались приготовленія и первая частная мобилизація, съ поздней осени 1876 г. Все бы шло скорѣе и успѣшнѣе, но въ этомъ важномъ дѣлѣ Д. А. встрѣчалъ одну препону за другою. Прежде всего медлительность дипломатіи, потомъ зависимость отъ другихъ министерствъ, наконецъ скупость въ отпускѣ средствъ и потому недостаточность мобилизованныхъ за разъ войскъ; все это не мало вредило кампаніи. Нашъ посолъ въ Константинополѣ Н. П. Игнатьевъ, писалъ еще въ 1875 г., при началѣ Герцеговинскаго возстанія, что въ то время будетъ достаточно 1—2 корпуса, чтобы дойти до Константинополя и овладѣть имъ; медлительность и плохая оцѣнка турецкихъ войскъ все попортила. Турція съ помощью Англіи успѣла за цѣлый годъ приготовиться къ отпору. Фактически, пока еще не выяснено, кто составлялъ планъ кампаніи войны 1877/8 годовъ, но намъ думается, что Д. А. не только не могъ, но долженъ былъ принимать въ этомъ живѣйшее участіе. Осенью 1876 г. пришелъ въ Ученый Комитетъ главнаго штаба, при хорошемъ расположеніи духа, Генералъ Н. Н. Обручевъ и попросилъ дѣлопроизводителей отыскать въ военно-топографическомъ архивѣ планы теченія Дуная по съемкамъ 1828/9 годовъ. Ему принесли кучу такихъ картъ. Началось ихъ разсмотрѣніе съ устьевъ и когда дошло до Систова съ его островами и отмелями, то этотъ листъ былъ отобранъ и все остальное отослано

обратно. Изъ этого мы заключили тогда, что на этотъ разъ переправа черезъ Дунай и наступленіе начнется съ Систова, какъ оно потомъ и случилось. Далѣе дошли до насъ свѣдѣнія, что противъ желанія и предположенія Д. А., Главнокомандующими войсками на театрахъ войны, какъ на Дунаѣ, такъ и на Кавказѣ, назначены великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи, а начальникомъ штаба, къ первому,—довольно дряхлый генералъ Непокойчицкій, а къ нему въ помощники полковникъ Левицкій. Изъ всѣхъ этихъ 4-хъ лицъ, никто не пользовался популярностью въ арміи, и лучшій изъ нихъ В. К. Николай былъ лихой кавалерійскій начальникъ, но не стратегъ и полководецъ. Что касается двухъ послѣднихъ, то говорили, что это поляки, которые къ добру не приведутъ, а Левицкій, хотя и молодъ еще, но разсѣянъ, теоретикъ по тактикѣ и довольно противный товарищъ и распорядитель всякаго активнаго дѣла, но не безъ самомнѣнія.

Избраніе Систова, какъ переправы, имѣло за собою то преимущество, что этимъ отстранялась необходимость осаждать треугольникъ крѣпостей, начиная съ Силистріи, но за то въ тылу была вѣроломная Австро-Венгрія, которая всегда была готова повторить свою неблагодарность 1854 г.; это обстоятельство, какъ теперь разъяснено, устранялось словеснымъ обѣщаніемъ Государя, лѣтомъ 1876 г., передать въ оккупацію Австро-Венгріи Боснію съ Герцеговиною, по окончаніи войны,—секретъ, о которомъ тогда никто не вѣдалъ [1]). По соглашенію съ Румыніею, наши войска прошли черезъ нее и къ концу Мая сосредоточились у Систова, гдѣ началась война переправою черезъ Дунай. Д. А. находился при Государѣ. Переправа, подъ руководствомъ Драгомирова и съ помощью Скобелева, удалась образцово и вмѣсто потери,

---

[1]) Врангель.

какъ разсчитывали въ 20/т., потеряли только 800 чел. Но затѣмъ очень скоро произошла заминка, сначала у Никополя, а потомъ у Плевны, гдѣ два раза подъ рядъ, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, наши войска, понеся большія потери, были остановлены и даже ошеломлены такими неожиданностями! Оказалось, что развѣдка конницы была хуже плохой, а штабъ забылъ, что еще послѣ Алексинацкаго сраженія въ Августѣ 1876 г., на западѣ Турціи у Дуная, въ Босніи, притаившись, сидѣлъ 40/т. корпусъ Османа-паши, который форсированнымъ маршемъ, въ нѣсколько дней, достигъ Плевны, разбилъ кн. Шаховскаго и барона Криднера и, укрѣпившись тутъ, загородилъ намъ дорогу двигаться впередъ безостановочно. Начальство растерялось... Былъ моментъ, что хотѣли даже эвакуировать на лѣвый берегъ Дуная...

И на Кавказѣ дѣло шло не лучше, и турки даже перешли нашу границу. На лѣвомъ флангѣ Рущукскій отрядъ во главѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, также едва держался противъ большихъ силъ Али-паши, но все-таки устоялъ. Пришлось принять во всѣхъ арміяхъ оборонительное положеніе и выждать новаго подхода войскъ изъ Россіи, такъ какъ то, что было на лицо, оказалось недостаточнымъ. Съ усиленіемъ нашей позиціи подъ Плевнами, Д. А. въ началѣ Августа обратилъ вниманіе на то, что въ сущности слѣдовало бы, придерживаясь обороны съ фронта, обратить вниманіе на овладѣніе тыломъ, сообщеніемъ съ Софіею, откуда Плевненскій гарнизонъ получаетъ свои подкрѣпленія и для выполненія этого, необходимо занять Телишъ, Горный Дубнякъ и Орханіе. Но у страха глаза велики и вызвали Тотлебена; Плевну начали окружать стальнымъ кольцомъ и прождали, промедлили такимъ образомъ до 30 Августа, когда снова начали атаку съ фронта, потерявъ при этомъ 18/т. чел. Этотъ милый подарокъ Государю къ его дню Ангела, привелъ въ уныніе

всю армію. Было, какъ тутъ, такъ и на Кавказѣ не безъ мелкихъ интригъ, заиграла зависть, заговорили бездарности и не помогли своевременно Скобелеву, который съ Зеленыхъ горъ удачно напиралъ на тылъ Османа-паши! Плевну оставалось взять почти что голыми руками, но это нельзя было допустить, лучше снова отступать, медлить и терпѣть затяжную войну, съ ея плохими послѣдствіями...

Подошли гренадеры, гвардія, получили помощь кавказскія войска, палъ послѣ этого сначала Карсъ, а потомъ Плевна. Но до этого все-таки пришлось брать Телишъ и Горный Дубнякъ, которыми овладѣли гвардейцы съ большими потерями и довольно прискорбно, что возможно было сдѣлать раньше, съ приходомъ первыхъ подкрѣпленій! Обращаясь затѣмъ къ результату всей кампаніи, что она намъ дала, каковъ же былъ экзаменъ по преобразованію русской арміи Д. А. Мы говорили напередъ, что не смотря на всѣ ошибки высшаго команднаго состава, армія на обоихъ театрахъ войны, дралась, вела себя безукоризненно: обезоруженіе турецкаго броненоснаго флота, переправа черезъ Дунай, оборона Шипки подъ руководствомъ Радецкаго, устойчивость Рущукскаго отряда Насл. Цесар., взятіе штурмомъ Карса съ почина генерала Фадѣева, обходъ всей турецко-кавказской арміи по совѣту генерала Обручева, доведеніе осады Плевны до конца, по настоянію Д. А. и по его же указанію на переходъ черезъ Балканы зимнимъ временемъ, побѣда Скобелева у Шейнова и другихъ начальниковъ вокругъ Софіи, далѣе занятіе Добруджи Циммерманомъ и наконецъ, стремительно—неудержимый маршъ войскъ къ Адріанополю и до подножія Константинополя у Санъ-Стефана, всѣ эти выходящія изъ ряда вонъ военныя дѣйствія, ставятъ очень высоко русскія войска и едва ли не выше германскихъ войскъ, съ ихъ вторженіемъ во Францію,

вплоть до овладѣнія Парижемъ. Даже командный составъ, какъ мы видимъ изъ предыдущаго, не погрѣшимъ въ своемъ исполненіи. Оказывается, что все то, къ чему готовилъ Д. А. русскую армію, рядомъ преобразованій, было осмысленно достигнуто и оправдано 16-ти лѣтнею работою и еще теперь лежитъ крѣпко, какъ лучшій фундаментъ, для еще лучшаго времени. XIX вѣкъ намъ далъ двухъ выдающихся военныхъ министровъ: Князя Барклай-де-Толли и графа Милютина и если первый удостоился вѣковѣчнаго памятника въ С.-Петербургѣ, то графъ Милютинъ, какъ русскій фельдмаршалъ, напоминаетъ намъ великихъ сподвижниковъ Петра Великаго и если возможно было поставить Скобелева, какъ равнаго Суворову и возвести ему памятникъ въ Москѣ, то графу Милютину по справедливости слѣдуетъ такой же поставить въ Петербургѣ.

Графъ Д. А. былъ необыкновенно скромный, вѣжливый и отзывчивый человѣкъ и Императоръ Александръ II его крѣпко любилъ, его уважалъ и ему довѣрялъ. Государь, подъ конецъ своей жизни приблизилъ его къ себѣ еще больше, совѣтовался съ нимъ и пріобщалъ его къ своимъ лично-семейнымъ дѣламъ. Неудивительно также, что въ силу движенія къ прогрессу, къ усовершенствованію строя управленія, графъ Милютинъ былъ на сторонѣ тѣхъ государевыхъ мыслей, наканунѣ Его мученической смерти, которыя осуществились въ 1905 г. Графъ Д. А., какъ глубокій знатокъ военнаго дѣла, получилъ разрѣшеніе идти неотступно впередъ и онъ шелъ и его кипучая работа, не могла остановиться тамъ, гдѣ съ новымъ строемъ предвидѣлась ему новая работа на славу, величіе и мощь Россіи. Но когда обнаружилось, что это въ силу особыхъ обстоятельствъ невозможно выполнить, что придется свою дѣятельность и работу запереть на ключъ, онъ смиренно отошелъ, всѣми уважаемый и не менѣе того Императо-

рами Александромъ III и нынѣ царствующимъ Государемъ. Теперь онъ скончался, 25 Января, согласно со своимъ духомъ и сердцемъ, а оно было большое: узнавъ, что скончалась его супруга, графиня, съ которою онъ прожилъ, какъ то теперь рѣдко, 50 лѣтъ. Миръ праху твоему, великій дѣятель и человѣкъ.

Императоръ Александръ II наградилъ Д. А., за всѣ реформы по военному вѣдомству, давшія столь блистательные успѣхи русской арміи въ войну 187⁷/₈ годовъ и за неоднократные совѣты, въ трудныя минуты этой войны,—георгіевскою звѣздою 2-ой степени и титуломъ графа, а рескриптомъ отъ 16 Августа 1898 г., по поводу Коронаціи нынѣ царствующаго Государя, Д. А. былъ возведенъ въ званіе Генералъ-Фельдмаршала.

Въ недавнее время, нашлись обвинители Д. А. въ томъ, что мы съ окончаніемъ освободительной войны 19 Февраля 1878 г., не употребили ее съ пользою и не ринулись на Австро-Венгрію, за ея вызывающій тонъ въ лицѣ Андраши. На это имѣется фактически готовый отвѣтъ: все для этого было готово, начиная съ плана кампаніи во главѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ при начальникѣ штаба Генералѣ Обручевѣ и оставалось только объявить общую мобилизацію съ призывомъ возвращавшихся войскъ изъ Турціи. Но заговорила Германія, Англія, съ которыми пришлось бы считаться, да и Италія была не прочь принять участіе. Такая новая война съ коализаціею, была опасна и честный маклеръ Бисмаркъ, прикинувшійся, будто жалѣетъ Россію, убѣдилъ Государя въ необходимости Берлинской Конференціи, которая съ такими успѣвшими выжить изъ ума и неспособными дипломатами, какъ Кн. Горчаковъ и гр. Шуваловъ, умалила всѣ наши успѣхи и С.-Стефанскій миръ, и привела Россію къ новому униженію, къ послушанію европейскому ареопагу... Въ этомъ дѣлѣ Д. А. долженъ оста-

ваться въ сторонѣ, тутъ все попортила дипломатія включительно, до отказа нашимъ войскамъ, занять открытою силою Константинополь...

Кромѣ того, на него же сваливаютъ, какъ съ больной головы на здоровую, весь исходъ Японской войны, это то послѣ 23 лѣтъ мира, при министрахъ Ванновскомъ и Куропаткинѣ! Этотъ длинный періодъ мира могъ только укрѣпить наши войска, усовершенствовавъ все то, что требовалось для побѣдной войны. Вмѣсто этого мы видимъ и знаемъ, что все остановилось: занимались мелочами, сыскомъ, непонятною аттестаціею, безсмысленными маневрами и непониманіемъ того, что нужно арміи! Эти начальники штабовъ—злые духи, интриганы; эти Станиславичи и Казимиричи, сыновья польскихъ ренегатовъ, одни, подъ покровительствомъ недалекаго полувоеннаго грека, въ Москвѣ, а послѣдніе у суроваго генерала въ Варшавѣ. И такихъ было довольно, въ періодъ съ 1881—1904 годъ. А въ Кіевѣ все твердили, за Драгомировымъ, что пуля дура, а штыкъ молодецъ! Одновременно, командовать частями, назначались не по достоинству, а по аттестаціи, во вкусѣ министра Ванновскаго, отъ котораго развилось подслуживаніе и лакейство и прогрессъ всей арміи—остановился, къ великому огорченію лучшихъ военныхъ дѣятелей.... И тѣмъ не менѣе, въ Японскую войну, она себя показала удивительно храброю, способною и дисциплинированною, но что прикажете дѣлать, когда во главѣ ея стояли такія померкшія отъ природы звѣзды, какъ Куропаткинъ и стая бароновъ, да генераловъ, закала стараго дворянскаго полка, да съ гвардейскою карьерою или генералы, совсѣмъ непонимавшіе военнаго дѣла!!! Пришлось только умирать и по приказанію отступать, не по-Кутузовски, а по-Куропаткински... Но были тамъ одновременно начальники, знавшіе свое дѣло, храбро наступавшіе и они могли отстоять

наше и свое дѣло, но ихъ въ самый лихой моментъ боя, не поддерживали и заставляли отступать съ проклятіями поадресу! Почему примѣрно Скобелеву, послѣ Ахалъ-Теке, не дали командующаго войсками, а засадили его въ Минскъ командовать корпусомъ, гдѣ онъ отъ скуки помиралъ и наконецъ умеръ насильственною смертью въ Москвѣ!. Почему тамъ и теперь сидитъ другой бравый генералъ и также умираетъ отъ скуки? Зависть заѣдаетъ насъ и мы только то и дѣлаемъ, что ѣдимъ другъ друга, вмѣсто того, чтобы помогать общему дѣлу, во славу нашего безпримѣрнаго войска. Вѣдь одинъ этотъ переходъ черезъ Балканы, зимою въ 1878 г., заставилъ ахнуть нѣмцевъ и приписать намъ какое-то сумасшествіе, однако это дѣло было выполнено удивительно стройно, эффектно и съ громаднымъ послѣдствіемъ. И такая устойчивость, дисциплина, переносливость и рвеніе идти впередъ, сохранилась съ 1881 г., во всей нашей арміи во время Японской войны и это благодаря только реформамъ Д. А. И стоило только встать во главѣ арміи человѣку хотя бы старому, но боевому, съ выдержкою и пониманіемъ нашего солдата, каковъ былъ старикъ Линевичъ, какъ немедленно все воскресло, рвалось впередъ, но на этотъ разъ, преждевременный миръ, снова остановилъ весь нашъ пылъ, надежду на возвратъ утеряннаго, такъ понапрасно! И если теперь, послѣ бунта, когда армія такъ стойко защищала тронъ и водворила порядокъ, она готова сразиться не хуже, чѣмъ въ старое, былое время, то слѣдуетъ припомнить, что никто иной въ этомъ не виноватъ, кромѣ графа Д. А. Милютина, которому мы кланяемся до земли и шлемъ ему наше русское спасибо.

А. Ф. Риттихъ.

12 февраля 1912 г.
Спб.

